XX
Ф 2 63/41 (1)
1ЖЗ

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

1927

1-2

КНИГА
ПЕРВАЯ

ЯНВАРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

7-ой ГОД ИЗДАНИЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1927 ГОД НА ЖУРНАЛ

7-ой ГОД ИЗДАНИЯ

ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

Под редакцией ВЯЧ. ПОЛОНСКОГО

При ближайшем участии А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, М. Н. ПОКРОВСКОГО Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА и И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА

ВЫХОДИТ 8 РАЗ В ГОД КНИГАМИ ОБЪЕМОМ В 15 ЛИСТОВ КАЖДАЯ С МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД 12 Р. НА ПОЛГОДА 6 Р. 50 К.

Для годовых подписчиков допускается рассрочка: при подписке — 7 руб. и не позднее 1 июня 1927 года — 5 руб.

Цена на журнал с приложениями (1 серия)—20 р. (2 серия)—18 р.

Допускается рассрочка: на 1 серию — при подписке — 12 р. и не позднее 1 июня — 8 р.; на 2 серию — при подписке—11 р. и не позднее 1 июня — 7 р.

Годовые подписчики имеют право на получение приложений на нижеследующих условиях:

ПЕРВАЯ СЕРИЯ

ЛЕНИНСКИЕ СБОРНИКИ

Изд. Института В. И. ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б). ПЯТЬ ТОМОВ (стр. 262 + 519 + 586 + 463 + 610). Всего 2340 страниц с многочисленными фотографиями и репродукциями документов.

Цена в отдельной продаже 16 р. 10 к.
Для подписчиков журнала 8 Р.

ВТОРАЯ СЕРИЯ

1. А. ЛУНАЧАРСКИЙ. Литературные силуэты.
2. Его же. Этюды.
3. Его же. Идеи в масках.
4. Его же. Театр и революция.
5. Его же. Идеализм и материализм.
6. Ф. МЕРИНГ. Пролетариат и мировая литература.
7. В. ФРИЧЕ. История западн.-европ. литературы.
8. П. САКУЛИН. Русская литература и социализм.

Всего 8 книг
Цена в отдельной продаже — 13 р. 15 к.
Для подписчиков журнала 6 Р.

Подписка принимается Отделом Подписных и Периодических изданий Торгсектора Госиздата, Москва, Воздвиженка, 10, тел. 5-88-91; Ленинград, Проспект 25 Октября, 28, тел. 5-44-56, в книжных магазинах, киосках, провинциальных отделениях и филиалах Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, и во всех почтово-телеграфных конторах.

802-11
92

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1

ЯНВАРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Писатель, книга, читатель.

(Художественная проза за истекший год).

А. Воронский.

Очень бы хотелось начать статью в каком-нибудь величественном, в романтическом хотя бы стиле.

Например:

— На башне св. Мартина часы пробили полночь. Я пью за ночных сторожей, хранителей нашего града.

Увы, это невозможно: сторож, стоящий сейчас перед моими глазами, совсем непохож на неустанного хранителя града. В нем нет ничего романтического. Недавно его можно было ежедневно видеть на одном из захудалых, дачных подмосковных полустанков. По утрам выходил он со всклокоченный, сивой бородой, сбитой на сторону, хмурый и сонный. В руках у него метла и лопата. Почесываясь и оглядываясь, он приставлял лопату к грязному товарному вагону-инвалиду, отходил к шпалам и погружался на некоторое время в созерцательное состояние; потом встряхивался, смотрел раздумчиво на лопату. Повидимому, ему не нравилось, как она была приставлена им; медленной развалистой походкой он шагал к ней, переставлял; переставив, начинал мести между шпал по линии. Мёл он не торопясь, с остановками, но сосредоточенно, почти сурово. Между шпал валялись: кусок газеты, смятая коробка из-под папирос, скомканная синяя бумажка, несколько окурков. Больше ничего не было видно около метлы. Чего бы, казалось, проще: нагнуться, поднять бумажки, отнести и бросить их в уготованное место. Но почему-то сторож этого не делал. Он продолжал мести три бумажки и несколько окурков. Так проходило пять, десять, пятнадцать минут. Из-за лесу показывался поезд, останавливался у полустанка, пассажиры бросались в вагоны, поезд трогался, из окна было видно: ровно и неторопливо продолжал человек с сивой бородой помахивать метлой, как бы не замечая ни поезда, ни суеты. Прошел он с метлой за это время не больше двадцати шагов. Нет, на ночных сторожей у башни св. Мартина он совсем не похож.

О стороже с полустанка вспоминается потому, что действия его в некотором смысле и роде невольно напоминают то, что происходит на нашем литературном парнасе. Речь идет о литературе наших дней, все о ней же.

Многие и многие из наших писателей, как когда-то говаривали, с усердием, достойным лучшей участи, топчутся, метут, метут три-четыре бумажки, может быть даже не по своей вине. Конечно, не все, не всегда, не во всем, и тут я готов принять всяческие оговорки, но выкинуть из головы неторопливого сторожа все же не могу.

С первого взгляда может показаться, что дела литературные идут превосходно. Как раз именно в истекшем году из печати вышло немало монументальнейших по об'ему произведений: М. Горький «Дело Артамоновых» — солидный том, А. Чапыгин — «Разин Степан» — три тома, «Русь» Пантелеймона Романова — три тома, В. Вересаев — «Пушкин в жизни» — три тома, «Москва» Андрея Белого — два тома, «Гиперболоид инженера Гарина» А. Толстого — два тома, «Колокола» Ивана Евдокимова — том, «Мощи» Каллиникова — три тома, «Чертухинский балакирь» С. Клычкова — том, «Вихрь» Демидова — том и т. д. Поэзия тоже явно тяготеет к солидному жанру, об этом говорят поэмы Казина, Багрицкого, Уткина, Пастернака, Безыменского. Издательства с готовностью заключают контракты на собрания сочинений и выпускают их. Вышли и выходят: М. Горький, А. Толстой, Л. Сейфуллина, М. Пришвин, А. Неверов, Ф. Гладков, Андрей Соболь, Вяч. Шишков, В. Вересаев, Н. Ляшко, А. Новиков-Прибой. Список этот легко пополнить.

Толстая книга в этом году завоевала себе почетное, прочное положение. Это отрадно. Толстая книга — наглядное свидетельство нашего растущего благополучия. Писатель приобретает себе досуг, время для спокойной, усидчивой работы. Он может отдаться собранию большого материала, может пережидать, дать «отлежаться» своему произведению. Очевидно также, что и у читателя стало больше свободного времени. Разумеется, все это относительно: читатель наш еще очень беден, и писателю живется нелегко, но лучше, чем, например, в 22 — 23 годах.

Не менее значительно, однако, и другое. В новелле, в рассказе, в повести, в стихотворении художник ограничен. Свое мироотношение он может выразить в них лишь частично. Роман, поэма дают возможность с бо́льшей свободой и полнотой художественно осмыслить жизненный опыт, действительность. Правда, не всегда это бывает. Блестящая «Конармия» Бабеля говорит об этом достаточно убедительно. Его книга не крадет лишнего времени у читателя, в ней все скупо, сжато, уплотнено, иногда даже трудно переносить ее высокую, предельную напряженность. Ее ясность и цельность безусловны. Но мастерство новеллы — редкое мастерство, чаще всего художнику-прозаику нужен размер обширной повести, романа, дабы уложиться, побеседовать серьезно с читателем. Сейчас он хочет побеседовать с ним серьезно и пишет романы. Словом, и писатель, и читатель пытаются подвести итоги пережитому, обобщить, собрать воедино разрозненные части целого. Это очень своевременно.

Следует дальше отметить, что писатель усиленно тянется к прошлому. Для этого есть известные основания. Многое, установившееся и ставшее трафаретным в отношении к прошлому, надо пересмотреть, переработать.

Этого настоятельно требует культурная революция. И, может быть, легче будет художественно оформить в себе настоящее, если подойти к нему, предварительно произведя ревизию прошлого.

Во всяком случае, прошлым наша литература занимается с несомненным усердием. Последний роман М. Горького «Дело Артамоновых» посвящен прошлому. В романе выпукло очерчены лица и события, язык согрет горьковским любопытством и вниманием к человеку и к его судьбам. Помимо своих чисто художественных достоинств, «Дело Артамоновых» — полноценный, социально значимый документ о недавнем прошлом. Роман подводит нас к истокам Октября: крепкое когда-то поколение фабрикантов Артамоновых, выходцев из деревни, уже в третьем поколении вырождается и распадается совершенно и окончательно; это во многом уясняет нам смысл и железную закономерность Октябрьской революции.

Книги В. В. Вересаева «Пушкин в жизни» составлены из показаний современников Пушкина, но должны быть отнесены к числу настоящих художественных произведений, столь искусно, умело и живо подобраны эти воспоминания, заметки, рассказы. Вересаев решительно стирает школьного Пушкина, Пушкина, сочиненного преподавателями гимназии и педантичной профессурой. Сам художник, Вересаев чутко, умно и правдоподобно создает новый, живой, горячий, пленительный и сложный образ нашего национального гения.

Роман А. Чапыгина «Разин Степан» должен быть отнесен к лучшим историческим произведениям. Он несколько растянут, есть повторения, но все это с избытком покрывается его достоинствами. Чапыгин не отступил от своей главной писательской темы, не растворил ее в историческом, по сути бесцельном описательстве. Разин Чапыгина лишен сусальности, он не избит, не стереотипен, и в нем явственно просвечивает человек «лесной тропы», Ваган из «Лебяжьих Озер», любимый чапыгинский герой, всегда налитый богатырскими силами и соками жизни и всегда у писателя трагически погибающий со своим избытком. С тонким проникновением в эпоху воспроизведены древняя Москва, ее быт, Кремль, царские палаты, жизнь «людишек», социальные отношения того времени, казачьи станицы, быт бояр и холопов, поход в Персию, дьяки, стрельцы. Возможно, что для нового читателя затруднителен местами язык того времени, но Чапыгин владеет им настолько легко и свободно, что в романе нет никакой стилизации. Роман Чапыгина — прекрасный подарок русской литературе. Недаром он уже переводится на немецкий язык.

Эпопея Андрея Белого «Москва» подверглась очень убогим и дешевым нападкам, а жаль: это — высокая, большая литература. Нельзя отделываться хлесткими словечками, выписывать с подхихикиванием вырванные из контекста фразы и проходить мимо Коробкина, Задопятова, Мандро, прекрасных страниц, где изображен старый Арбат.

«Русь» Пантелеймона Романова еще не закончена, последнего слова не сказано, но роман бледней мелких рассказов писателя о голодных годах, об «окаянном» народе.

О прошлом по обычному мастерски написана повесть М. Пришвина «Юность Алпатова»; «Чертухинский балакирь» С. Клычкова поражает своим несравненным языком, изобразительностью и подозрительным пристрастием к Антютикам и ведьмам. О прошлом — умный роман Тынянова «Кюхля», «Колокола» Ивана Евдокимова. «Колокола» — собственно не роман, а художественная хроника, написанная вполне литературным, тщательно отшлифованным языком. Несколько неясна индивидуальность художника, она подавляется нередко слишком подробной изобразительностью, но писатель удачно справился с Просвирниным, с Егором, с Аннушкой; о рабочем подполье, о нелегальной типографии, о баррикадах рассказано неторопливо, художественно, правдоподобно и со знанием дела. Особенно полезны будут «Колокола» молодежи, которая о нашем героическом революционном прошлом имеет подчас весьма смутное представление. Хроника Евдокимова тем более нужна, что в наследство от эпохи 1907—1914 гг. нам достались почти исключительно враждебные и клеветнические вещи.

Беглый обзор подтверждает, насколько усердно заняты современные писатели прошлым. Возникает даже вопрос — не слишком ли усердно, и не свидетельствует ли такое внимание к прошлому о некотором разладе многих писателей с настоящим, не служит ли это прошлое убежищем, куда художник скрывается от современности, не идет ли писатель по линии наименьшего сопротивления?

Осторожность, с какой иногда писатели, особенно старого поколения, подходят к современности, понятна. Наша современность слишком пестра, текуча, противоречива, многое не только не отстоялось, но даже не оформилось сколько-нибудь прочно; материал слишком зыбок, изменчив и нелегко поддается художественной творческой обработке, а писателю надо выносить, выдержать свою вещь, он должен уметь отойти от написанного, посмотреть со стороны, взвесить, проверить. Все это — бесспорно, осторожность, осмотрительность понятны. Но и за всем тем интерес к прошлому нам кажется чрезмерным. Иногда получается впечатление, будто наш писатель ожегся о современность и пытается уйти от нее в прошлое: там тише, безопасней, там все кажется крепким, сложившимся.

Во всяком случае, читатель не совсем удовлетворен. Он хотел бы, чтобы такие писатели, как М. Горький, В. Вересаев, М. Пришвин, вплотную подошли к современной действительности, к тому, что носится в воздухе и ждет своего художественного оформления. Он благодарен и за «Дело Артамоновых» и за «Юность Алпатова», за книги о Пушкине Вересаева и за «Разина Степана» Чапыгина, но предпочел бы видеть в художественных произведениях отражение и воплощение дней нашей жизни. Когда его убеждают ссылками, что «Война и мир» появилась спустя полстолетие после 1812 года, он соглашается, но соглашается больше умом, а не сердцем. Наш новый читатель молод, он не имеет большой культурной подготовки. Годы войны, революции приучили его прежде всего действовать. Он — активен, лишен созерцательности, он практичен, утилитарен, он менее всего склонен к кабинетному мышлению и чувствованию. Он видит напряженный

темп жизни, чувствует, что у нас месяцы идут за годы, что в стране происходят гигантские экономические и культурные сдвиги, и он ждет от художника помощи в работе, в практике, в строительстве. У художника есть своя правда. Его внутренний мир сложен. Он берет материалом для своего произведения то, что нагляднее, лучше, ясней, легче оформляет его основную тему. Древнее сказание, поверие, сказка, историческое событие часто более соответствуют его замыслу, идее, чем современность. Но по своему прав и читатель.

Кто повинен в том, что писатель наш начинает слишком усердно заниматься прошлым? Надо прямо сказать, сплошь и рядом художник отказывается от изображения нашего времени потому, что его к тому понуждают критические и всякие иные наскоки, вульгарная трактовка социального заказа, заезжательство и упростительство. Начитавшись и наслушавшись подобных статей и речей, иной писатель махнет рукой и говорит: нет, довольно, теперь буду писать роман из эпохи средневековья, так легче. И пишет. Такие заявления приходится слышать нередко.

Читатель все же подчиняет себе писателя. Отвечает на его, читательские, запросы и требования прежде всего наш молодой писатель октябрьского и послеоктябрьского периода. Наши журналы и издательства в минувшем году напечатали ряд вещей, посвященных современности. Из них наиболее приметны и интересны: «Наровчатская хроника», «Трансвааль» К. Федина, «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева, рассказы Пант. Романова, «Полова» Леонида Завадовского, «Каин-Кабак» Лидии Сейфуллиной, «Растратчики» Валентина Катаева, «Идут корабли» Лидина, «Луна с правой стороны» С. Малашкина, «На отшибе» А. Тверяка, рассказы и повести Никифорова, Губера, «В дыму костров» Бражнева, повести Новикова-Прибоя, Зуева и других авторов. Некоторые из этих вещей требуют особых публицистических откликов, статей, так как в них поставлены чрезвычайно острые вопросы о процессах, происходящих в деревне, о школе, о нашей вузовской молодежи, о семье. Но при всей остроте, ценности и свежести некоторых из напечатанных художественных произведений и здесь трудно отделаться от разного рода сомнений и критических размышлений.

Сквозь густую ткань изображаемого часто не видно внутреннего мира художника. Мы не знаем, не чувствуем, смеется ли писатель, негодует ли, радуется или тоскует, не ощущаем, не понимаем, куда он нас зовет. Почти бесстрастен Пант. Романов. Мастерски написана повесть Конст. Федина «Трансвааль» о новом деревенском буржуа-колонизаторе, но там, где нужна страсть, может быть, бич сатиры, есть лишь скептическое и, пожалуй, бессильное сожаление и раздумье писателя. Слишком ровен и спокоен Лидин. Без путей и без дорог талантливые Яковлев и Леонид Завадовский, их об'ективизм местами чрезмерен. Занимательная повесть Валентина Катаева, несмотря на драматические моменты и конец, все же слишком гротесконепринужденна и беспечна. Молодой Губер в «Шарашкиной конторе», в повести «Новое и Жеребцы» никуда нас не зовет, он только убедительно и правдиво живописует. Снимками с натуры, иногда очень красочными, занимается Родион Акульшин. Писатель-коммунист Малашкин в повести «Луна с правой стороны» поставил один из самых жгучих и неотвязных вопросов о нашей молодежи, но оставался на поверхности бытовых явлений. Другие из писателей находятся пока в прочном плену у наивного натурализма, они то-и-дело смешивают писателя с описателем. Таковы повести Грабаря, Карпова и т. д. Наконец, у третьих намерения и стремления самые похвальные, но электрификация, кооперирование, индустриализация, смычка по прежнему и в стихах и в прозе изображаются так, словно они написаны прямо по курсу политграмоты. В итоге, большинство повестей, рассказов, стихов наших молодых беллетристов и поэтов имеют один основной недостаток, отмечавшийся нами и раньше: в них преобладает внешний, неглубокий, иногда прямо описательный подход к изображаемым людям, типам, событиям. Им недостает органического подхода. Накопленный и зафиксированный художественно в повестях и рассказах материал за минувшие годы требует больших обобщений, психологизма, интуитивного, нутряного проникновения. Нам нужно знать и чувствовать, как «новый культурный темперамент» по своему, по особому воспринимает космос, природу, общественные отношения, куда он идет в быту, в семье. Нам нужно узнать, что тянет его книзу, что мешает, препятствует ему, какие чувства сталкиваются в нем, ведут борьбу друг с другом, что он преодолевает внутри себя и вовне, как падает он, оступается, поднимается, идет «вперед и выше». Нужно, словом, чтобы художник показал нам человека в диалектическом, в живом развитии его эмоций и мыслей, со всеми, подчас мучительными, дисгармоническими противоречиями, сомнениями и вывихами; показывают же нам чаще всего человека в стационарном состоянии, в покое, в готовом виде, будто рождается он подобно вагнеровскому гомункулусу прямо из реторты. Нам недостает диалектики чувств и мыслей в современном художестве и потому в таком изобилии по стогнам нашей отечественной литературы разгуливают вместо живых людей эти гомункулусы. Присмотритесь, как изображаются чаще всего у нас настоящие коммунисты. Они налаживают хозяйство, произносят речи, «разрываются на части», спешат с одного собрания на другое, убеждают, восстанавливают, — но до какой степени все это описательно, внешне, поверхностно изображается! Либо они — каменные, чугунные, словно чужие всему окружающему люди, либо они стереотипны в каждом жесте, в поступке, в движении. Каков их внутренний мир, какова диалектика развития их потаенных чувств — неизвестно. Утверждают, что положительные типы — самые трудные, при этом ссылаются на классиков. Но у классиков, например, у Гоголя, у Гончарова, у Достоевского их не было в художественном об'ективе, ибо их не было в жизни, положительные типы выдумывались, сочинялись. У нас же несомненно нарождается «новый культурный темперамент». Разумеется, если ремесленнически малевать, то картина получится однотонной, унылой и докучной. Выйдет сердито, но дешево. Таких маляров у нас сколько угодно; к тому же они даже не пытаются как

следует, по серьезному заглянуть поглубже в того, кого они изображают. Отсюда отнюдь не утешительные результаты. Наши художники терпят крушения в изображениях положительных героев не потому, что их нет, а потому, что подходят к ним чаще всего как старательные ремесленники; при этом недреманное око не в меру рьяных ревнителей преследует их на каждом шагу и во многих случаях без достаточных оснований.

Надо повести борьбу за органический метод в художестве. Нужно научиться изображать людей и события в диалектическом процессе, в живой, в жизненной динамике их чувств, в становлении, не отрываясь от бытия. Сейчас нужна такая школа, такое направление. Иначе наша литература не сдвинется с мертвой точки. Читатель по-прежнему будет чувствовать себя неудовлетворенным, а писатель, подобно нашему сторожу с полустанка будет неторопливо продолжать мести бумажки. Поезд не ждет, он уходит, развивая скорость, увозит людей.

У нас есть попытки из нужды сделать добродетель, подаются голоса за то, чтобы ремесленничество, внешний показ, стандарт закрепить в художественной литературе. Это вредно. Стандартизация, борьба против психологизма легко могут стать идеологическим символом веры нашего сов. бюрократа и мещанина новейшего покроя. Бюрократ по своей природе склонен к шаблону, к стандарту — так спокойней. Мещанин же нового времени приучился ценить вещь, «материю», он пренебрежительно относится ко всякой психологии, к идеалу. Он по своему практик и материалист. Это превосходно показал в одной из своих статей тов. Бухарин. Носитель нового культурного уклада актуален и тоже практичен, но по другому. Ему поистине ничто человеческое не чуждо, он совсем не намерен выбрасывать за борт «идеи», «психологию». Его практицизм должен сочетаться с самым высоким идеализмом. Он против стандарта, так как одной из основных своих задач он ставит развитие, организацию отчетливой индивидуальности в рабочем, в крестьянине. Художественное оформление этой личности немыслимо без диалектического метода в искусстве. Здесь у нас есть великие предшественники. Правильно замечает Л. И. Аксельрод (Ортодокс), что великим стихийным диалектиком в художестве был Л. Н. Толстой. В этом Толстой является для нашей современной литературы недосягаемым образцом.

Иной читатель скажет или подумает: не могут ли эти и подобные призывы к психологизму, к живому, к диалектическому изображению чувств и мыслей возродить в литературе наших дней нездоровый самоанализ, резиньяцию, самоковыряние? Такие опасности есть. Такие опасности есть потому, что настроения в среде наших писателей далеко подчас не отрадные. Они лучше у пролетарских писателей, но и тут не все благополучно, при чем это неблагополучие прикрывается иногда штампом. Убедительным показателем этих неотрадных и нерадостных настроений служит творчество

Всев. Иванова. Автор «Цветных ветров», «Бронепоезда», «Дитё», выпустил недавно книгу рассказов «Тайное тайных». Зрелое мастерство, чувство меры пришло к писателю в момент, когда он явно затосковал и потерял радость жизни. В новых рассказах Всеволода Иванова человек целиком подчинен примитивной жизненной стихии. Он не творец, а лишь покорный, безвольный исполнитель велений этой стихии. Писатель перестает видеть творческое начало в человеке, и это самое тревожное не только для него, но и для нашей литературы. Всев. Иванов — один из наших лучших молодых писателей, за ним хорошее художественное прошлое. И едва ли есть что-нибудь случайное в этом сдвиге писателя. Следует хотя бы бегло перебрать главные, преобладающие темы о современном молодых писателей, дабы убедиться в том, что никакой случайности тут нет. Безрадостное, провинциальное захолустье изображает Конст. Федин в «Наровчатской хронике»; в «Трансвааале» кулак-иностранец подчиняет себе всю округу. Несуразный, неустроенный, взлохмаченный школьный быт воспроизводит Н. Огнев в «Дневнике Кости Рябцева», несмотря на бодрость тона и на смягчающий юмор. Акульшин занят деревенскими горестями и настроениями. Лидин и Катаев каждый по своему следят за растратчиками. Малашкин бодр только с внешней стороны. Лучшие страницы в его книге те, в которых он повествует о больных, о страшных явлениях и случаях действительности. Именно эти страницы прочней всего остаются в памяти читателя. Тверяк рассказывает о засильи кулака в деревне, у Губера торжествует «Шарашкина контора», у Леонида Завадовского новое советское законодательство, ограждающее права ребенка и женщины, отступает назад пред деревенской косностью. Отнюдь не об отрадных вещах повествуют Пант. Романов, иногда Никифоров, Барсуков, Грабарь, Савич.

В литературе наших дней все большее и большее место занимают провинциальные, деревенские темы. Они грозят стать основными, преобладающими. Уездное лезет изо всех пор: невежество, дикость, оторванность от культурных центров, окуровщина и растеряевщина, оправляющееся и крепнущее в быту мещанство, однотонность жизни. Как будто схлынула волна и вот на песке — мусор, тина, валяются какие-то обломки, щепки. Куда подевалась наша партизанская вольница, героические бои на фронтах, кожаные куртки, Запусы и Вершинины, Артамоны и Виринеи, Чапаевы и герои синих пакетов! Есть ли они? Есть, конечно, но чаще всего их только почтительно отмечают, словно стоят они в стороне от общего жизненного потока. Глеба и Дашу все сильнее заслоняет уездная недотыкомка серая. Не у всех, не всегда. Можно указать на Фадеева, на Бражнева, на других авторов, но мы говорим о преобладающих настроениях.

Может быть, засилье провинциального, деревенского, уездного и далеко не отрадные рассказы об этом уездном говорят об отходе прежде попутнических кадров от революции, о том, что они перестают верить в нее? Возможно, что есть и такие случаи, но как будто наш советский писатель не собирается пересматривать свои взгляды ни на Октябрь, ни на республику советов и не думает ориентироваться на другой класс, враждебный рабочему.

Недаром даже Андрей Белый в предисловии к «Москве» сообщает читателю, что в своем романе он намерен показать «разложение устоев дореволюционного быта и индивидуальных сознаний, — в буржуазном, мелко-буржуазном и интеллигенческом кругу», и дальше «картину восстания новой Москвы», и не случайно Всероссийский Союз Писателей заявил о своей солидарности с резолюцией ЦК ВКП(б) о политике в литературе. Давным-давно изжиты у нас интеллигентские настроения 18 — 19 годов, и случись какое-нибудь острое, например, внешнее осложнение, наши современные писатели безоговорочно стали бы в меру своих сил, воли и разумения защищать республику советов. Скорей всего невесело многим из наших писателей оттого, что слишком крут был переход от героической эпохи гражданской войны и военного коммунизма к годам затишья и органической работы. От событий, сотрясавших весь мир, когда все стремительно летело вверх тормашками, когда революции в отдельных странах считались повседневными явлениями, жизнь вплотную и словно внезапно подвела нас к быту, к мелочам, к мелкой кропотливой работе. Оказалось, что культурная революция дело до чрезвычайности сложное и трудное; оказалось, что азиатчины у нас хоть отбавляй, что городок Окуров и Растеряева улица здравствуют, что Пошехонье живет себе да поживает. А тут еще поднимает голову новый чумазый в деревне, а в наших государственных органах разгуливает матерый бюрократ и чувствует себя превосходно. Нужно еще принять во внимание, — наш писатель чаще всего далеко стоит и от партии, и от общего строительства и иногда совсем не по своей вине. Литература у нас уже завоевала себе очень значительные кадры читателей, а место, которое она занимает, так сказать, официально, совершенно не соответствует ее удельному весу. Тут прямое и вопиющее несоответствие. В провинции это заметно более всего. Провинциальный писатель сплошь и рядом влачит жалкую жизнь. Его только терпят, «используют». Он ютится где-то на задворках нашей советской общественности. Далек он и от фабрично-заводского быта. Мудрено ли, что ему видны прежде всего окуровщина, пошехонье, мещанство, наша убогость и что мимо него проходит творческое и созидательное. Думается, где-то здесь надобно искать об'яснений, почему он тянется к нерадостным темам. И, вероятно, внимательней следует отнестись ко многим его свидетельским показаниям относительно уездного в нашей жизни. Не от резвости же пера наши фельетонисты «Правды» Сосновский и Зорич уделяют уездному так много места. Надолго, надолго еще хватит тут большой, непомерно тяжелой и упорной работы.

По силе сказанного психологизм в литературе, стремление диалектически, органически отразить современность таят в себе известные опасности, так как наш писатель настроен совсем не весело. Опасения эти подкрепляются такими примерами, как творчество тов. Малашкина; он пишет с судорогой на лице и его экскурсии в психологию больных людей в сущности мрачны и бодрые слова остаются словами.

Но в конце концов — нельзя научиться плавать не входя в воду. Наша литература стоит пред дилеммой: либо она будет топтаться на месте, по прежнему штампуя действительность, поверхностно и внешне отражая и описывая ее, — либо она сделает шаг вперед — и тогда наши писатели найдут в себе довольно творческих сил, дабы в высоком диалектическом художественном перевоплощении раскрыть изнутри процесс оформления нового быта и новых людей. Все дело в чувстве меры, в равновесии. От описательства, от наивного натурализма надо шагнуть к хорошему, к настоящему реализму. Больше всего натуралистическими грехами молодости грешат наши пролетарские писатели. Им и следует побольше подумать о диалектике в искусстве, о психологизме, об эксперименте в искусстве. Опасностей завязнуть в психологической упадочной изощренности здесь меньше, так как по своему темпераменту пролетарские писатели бодрей попутчиков.

Не следует ли также задуматься над тем, чтобы соединить реализм с хорошей, с здоровой революционной романтикой, скажем такой, какая есть в поэме Эдуарда Багрицкого «Дума про Опанаса»? Известная доза романтики, как противоядие против увлечения уездным, сдается, очень ко времени. Обычно романтизм противопоставляется реализму. Но почему бы не преодолеть такое противоречие, почему бы не разрешить этого противоречия в творческом опыте? Общеобязательных канонов тут нет, и разве в реализме Гоголя нет романтики, а в романтизме Гюго нет реализма?

Бесспорно, в нашей стране замечается повышение активности со стороны непролетарских слоев. Спрашивается, находит ли эта повышающаяся и растущая активность отражение в современном художественном слове? Об этом сейчас много пишут, произносятся речи, делаются доклады, выражается немало опасений. Эти опасения преувеличены. Наша литература живет и развивается при диктатуре пролетариата. Вражеские попытки художественно, эстетически противопоставить себя коммунизму, нами решительно предупреждаются. Прямые и откровенные выступления наших противников возможны лишь в виде исключений. Помимо этого, нужно дать себе ясный отчет в этих антипролетарских силах. Это — остатки, осколки прежней буржуазии, помещиков с их идеологами. Значение их в стране советов ничтожно, революция стерла их в порошек. Скудость русской эмигрантской печати подтверждает это лучше всего. Дальше, это — наш новый буржуа: кулак в деревне, городской нэпман. Он опаснее, он во многом не похож на буржуа доброго дореволюционного времени, он закален, он вышел из революции и по своему связан с ней. Но едва ли он оформил себя политически, хотя упорно этим занят, и еще более сомнительно, чтобы он осознал себя художественно. Процесс художественного, эстетического самопознания наиболее сложный и трудный. На опыте, на примере пролетарских писателей легко убедиться, насколько этот процесс отстает от процесса в области политики. Круг писателей, печатающихся у нас, новому чумазому чужд. О пролетарских писателях здесь говорить не приходится. Старые писатели: М. Горький, М. Пришвин, Толстой, Шишков, Романов п с и х о-

логически далеки от дум и чаяний нэпмановских слоев в городе и в деревне. Наши молодые советские писатели — Бабель, Всев. Иванов, Леонов, Конст. Федин, Багрицкий, Огнев, Сейфуллина и другие боятся нового чумазого. Их скептические и мрачные настроения в значительной мере питаются этой боязнью. Я не могу назвать ни одной вещи, ни одной повести, рассказа, где бы идеализировался новый буржуа. Таких произведений нет ни в печати, ни в редакциях журналов и издательств. Это показательно.

Но если чуждые нам настроения, чувства и мысли не могут отразиться в нашей литературе прямо и непосредственно, то это еще не значит, что они не могут найти отражений косвенных. Такие косвенные отражения у нас есть, правда, пока очень неопределенные. Сюда прежде всего нужно отнести халтуру. Ее в нашей печати сколько угодно. Особенно много ее в литературе для юношества, для подростков, но ее не мало и вообще на литературном рынке. Иногда говорят, что большой беды в халтуре нет: власть всегда притягивает к себе приспособляющихся, услужливых, бойких и юрких людей. Такое благодушие очень сомнительно. Коммунизм, революцию можно с успехом компрометировать, не только открыто высказываясь против них, но и путем бездушной, штампованной, убогой художественной пропаганды. Подобные бездушные поэмы, рассказы, повести, стихи не заражают, наоборот, поселяют нестерпимую скуку, читатель с досадой отворачивается и отгоняет от себя бойких и юрких людей как назойливых мух в летнюю пору. Но еще более опасна халтура тем, что под бездушный барабанный бой наигрываются под сурдинку самые обывательские, мещанские мелодии, угождают пошлым и ничтожным вкусам. Великие идеи служат прикрытием совсем не великих чувств и мыслей. Об этом, впрочем, писалось неоднократно, но напоминать о халтуре следует, так как за истекший год с халтуротворчеством борьба велась недостаточно, и она по прежнему преуспевает.

Дальше идет цикл умонастроений, отнюдь не ставших нам враждебными; но при потере перспективы, чувства меры они таковыми могут стать. Усиленное внимание к неприглядным, к темным, к окуровским, к уездным сторонам нашего быта без надлежащих поправок может выродиться в общее разочарование по отношению к революции: была революция, был ураган, пронесся и не оставил заметных следов, все возвращается по новому к старому, выползает прежнее, «российское», уездное. Все суета сует и томление духа. «Род приходит и род проходит, а земля пребывает во веки. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои».

Такие настроения, если бы они заняли прочное место в литературе, были бы реакционны. Из сказанного совсем не следует делать выводов, что надо перестать заниматься уездным. Наоборот, от уездного наша литература не может, не должна отходить, страна наша, к сожалению, до сих пор остается уездной. Нам нужна сатира Щедрина, смех Гоголя, горькая складка Чехова, горьковская борьба со скукой жизни, но нельзя бессильно опускать руки и, главное, надо твердо знать — во имя чего следует вести войну с уездным. Тогда самые мрачные, самые открытые, самые беспощадно-правдивые художественные изображения будут оправданы. Пусть не будет надоевших и набивших оскомину благополучных концов, но пусть будет это знание, эта уверенность. Их иногда нашим писателям решительно не достает.

В современной литературе несомненно есть двоякое отношение к городу и к деревне. Вслед за «Цементом» Гладкова появился «Чертухинский балакирь» Сергея Клычкова. По удачному выражению М. Горького это — «эмоциональный бунт». Этот бунт направлен против «железного чорта». И здесь необходимо чувство меры. Нам чуждо преклонение пред однобокой городской буржуазной культурой, социализм есть устранение противоречия между городом и деревней, но по сравнению с Антютиком, с ведьмами и лешими Сергея Клычкова «железный чорт» имеет неоспоримые преимущества уже по одному тому, что он сотворен человеком и может, следственно, целиком быть в его руках. Страх пред «железным чортом» и попытка найти в лесных дебрях лешего ведут прямой тропой к национальной азиатчине, модернизированной соответственно моменту.

У нас много наивного, нелепого, непродуманного прожектерства, планов и замыслов, которые терпят сокрушительные крахи при первой же серьезной практической проверке их. У нас не мало фантазеров, мечтателей, дон-Кихотов, ушибленных деловым, культурническим временем, не умевших приспособиться к новой сложной, будничной обстановке. Ничего нельзя возразить, если писатель показывает нам и это прожектерство и этих романтиков и стремится дать широкие художественные обобщения. Такова, например, повесть А. Толстого «Голубые города», сюда относятся «Роковые яйца» Булгакова, в ином разрезе, но в известных отношениях сходны по теме повесть Анны Караваевой «Берега», «Петушиное слово» Коробова (фигура Фунтикова). Алексей Толстой умело ставит точку во время и на месте. «Берега» Караваевой и «Петушиное слово» Коробова заслуживают более внимательных откликов и оценок, чем это имело место в нашей прессе. «Роковые яйца» Булгакова — вещь чрезвычайно талантливая и острая — вызвала ряд ожесточенных нападок. Булгакова окрестили контр-революционером, белогвардейцем и т. п., окрестили, на наш взгляд, напрасно, но для критических выпадов все же были серьезные основания. Писатель написал памфлет о том, как из хорошей идеи получается отвратительная чепуха, когда эта идея попадает в голову отважному, но невежественному человеку. Это — законное право писателя. Почему бы в самом деле не написать об этом художественный памфлет? Основной недостаток Булгакова тот, что он не знает, во имя чего нужны такие памфлеты, куда нужно звать читателя. Или это не дело писателя? В нашу эпоху, когда идет бой не на жизнь, а на смерть? И так как в памфлете Булгакова нет целевой, волевой установки, произведение в лучшем случае вызывает недоумение. Нападает ли автор вообще на «коммунистический эксперимент», или имеет он в виду более узкий круг обобщений, занимает ли его больше некультурность и невежество решительного, но ограниченного поборника новой

культуры — обо всем этом читатель ничего узнать не может. Писатель сам подает повод для всяческих кривотолков и в конце концов неизвестно, куда он ведет нас: может быть, совсем не туда, куда хочет итти наш новый читатель, которому дорог Октябрь.

Художественная продукция пролетарских писателей за минувший год была слабей, чем за предыдущие годы. Возможно, что мы имеем дело с накоплением потенциальных сил, но факт остается фактом. Заминка налицо. Здесь следует отметить молодого Фадеева, он — настоящий художник. Интересен сборник повестей и рассказов Малашкина «Луна с правой стороны», неплохо написана повесть А. Тверяка «На отшибе». Никифоров выпустил три тома своих повестей и рассказов, они не ровны, но писатель не стоит на месте. Занимательно и не хитро повествует Новиков-Прибой, умело и опытной рукой написана повесть Н. Ляшко «С отарой». Запоминаются некоторые вещи Крутикова, любопытна книга Бражнева «В дыму костров». Самой обнадеживающей и яркой книгой остается «Страна родная» Артема Веселого. Это — талант. Художественная продукция новонапостовской группы совершенно ничтожна за минувший год. Здесь больше заверений, обещаний и разговоров, чем дела. Погиб «Рабочий Журнал», еле дышит «Октябрь». Недаром в среде сторонников линии «Октября» усилились разговоры о вреде комчванства, о необходимости учиться. Будем надеяться, что подобные речи пойдут впрок. У пролетарских писателей есть преимущества: они эмоционально крепче и тверже. Тем у них хоть отбавляй, они органически связаны с новым бытом. Нужно, в самом деле, от криков о гегемонии перейти к повышению художественной квалификации, не путать писателя с описателем, не злоупотреблять штампом и стандартом.

На одном из литературных диспутов кое-кто из оппонентов в связи с мыслями, высказанными в этой статье, упрекали меня в неверии, в пессимизме, в упадочности и пр. и т. д. Склонен полагать — они ошиблись. Они смешали пессимизм с неудовлетворенностью. Полагаю, что художественная литература у нас развивается, но развивается в сложной и нелегкой для нее обстановке. Ведь не случайно писатели сейчас разбегаются по углам и отсиживаются дома, не случаен уход в прошлое и преобладание уездных тем. Неудовлетворен писатель, неудовлетворен читатель. Закрывать на это глаза вредно. Наша литература требует к себе более внимательного и осторожного отношения, чем это есть на деле. Место, которое она занимает в советской общественности, значительно, но оно не закреплено. Материальное и правовое положение писателя сплошь и рядом тяжелое. Наши газеты до сих пор художественной литературой занимаются вскользь и между прочим. Литературное цуканье продолжается. Между читателем и писателем нет нужного контакта. Когда-то Леонид Андреев писал: «Между мной, пишущим, и тобой (читателем. *А. В.*) нет никакой связи, и если бы, кроме тебя,

возле меня не было других людей, я был бы так же одинок, как Робинзон Крузоэ на своем острове. Вот я написал статью, — быть может, я страдал, когда писал ее — ее набрали, напечатали... и как в бездну канула она. Почтовый ящик, у которого нет дна и в который каждый день опускаешь письма — вот чем являются наши отношения»... Подобные жалобы раздаются и поныне. Жалуется писатель, что он не находит отклика в читателе, в прессе, — жалуется читатель на то, что писатель не отвечает на его запросы. И не здесь ли, не в устранении ли разобщенности между писателем и читателем надлежит прежде всего искать средств и путей, которые выправили бы то, что есть неустроенного, неслаженного и нерадостного в современной литературе? Возможности для такого устранения у нас есть самые обширные.

В чем же дело?